

*Эшли Уален Фрели,
которая никуда не исчезала*

И я сказал: «кто дал бы мне крылья,
как у голубя? я улетел бы и успокоился бы;
далеко удалился бы я, и оставался бы
в пустыне; поспешил бы укрыться
от вихря, от бури».

Псалом 54:7-9

ПРОЛОГ

День свадьбы

1 июня

Он оттягивает ворот рубашки и делает глоток остывшего кофе. Он не любитель кофе, но сейчас согласен на любой напиток — особенно с кофеином. Он так давно не спал, что уже потерял счет времени.

Шериф опирается мясистыми ладонями о стол и тяжело нависает над ним.

— Ладно, мистер Спейси, — изрекает тот. — Вы готовы дать показания?

— Да, сэр, — отвечает Спейси. — Я готов. — И вспоминает, что последний раз сидел напротив Хэла Йорка, еще будучи школьником, задержанный за магазинную кражу. Тогда ему тоже никто не верил.

— Надеюсь, на этот раз вы скажете правду?

Спейси поднимает правую руку, а левую опускает на воображаемую Библию.

— И ничего кроме правды, — отвечает он, надеясь, что его голос звучит спокойно. — Да поможет мне Бог!

— Ну что ж, — говорит шериф. — Выкладывайте.

15–16 МАЯ

Две недели до свадьбы

ЭННИ

Она уже доехала до офиса адвоката, но вдруг осознала, что не может войти внутрь. Она сжимает ручку автомобильной двери, готовая выйти в любой момент. Машина совсем новая, так что дверца распахнется бесшумно — не то что в ее прежней скрипучей развалюхе (покойся с миром, «Джетта»). Теперь ее автомобиль — джип в прекрасном состоянии, взвешенный выбор взрослого человека. Как и ее жених Скотт, вручивший ей машину в качестве предсвадебного подарка, «Хонда Си-Ар-Ви» отличается надежностью и отлично вписывается в картину ее новой жизни в роли миссис Хэнсон. Жизни, которая начнется всего через пару недель.

Она отпускает дверную ручку и смотрит на письмо, лежащее у нее на коленях, — имя выведено аккуратно над линией сгиба. *Ее* имя — нынешнее. *Мисс Энни Тафт* — пока еще не Хэнсон. Чтобы превратиться в Хэнсон, ей нужно разобраться с делами, и визит к адвокату занимает в их списке не последнее место.

Она разглядывает здание прямо напротив нее. В двухэтажном доме в колониальном стиле может

располагаться что угодно: от страхового агентства до стоматологической клиники или бухгалтерской конторы. Она внимательно изучает каждое окно — словно кто-то может следить за ней оттуда. Но за стеклами не видно ни единого лица, никто не подглядывает из-за занавески. Никто и не подозревает, что она здесь.

Энни не позвонила и не назначила встречу, хотя об этом говорилось в письме. Ей не нужна была гарантия того, что адвокат найдет для нее время. Наоборот — пусть лучше попросит ее зайти попозже, а она не сможет этого сделать. В конце концов, дел в ближайшие недели будет невпроворот, и вряд ли она будет заниматься чем-то кроме свадьбы. Тут-то она и скажет себе — и всем вокруг, — что пыталась. Скажет, что поступила правильно. Ей очень важно поступать правильно — уж такой она человек. Но что значит *правильно*? Вот в чем вопрос.

В ее голове звучит голос тети Фэй, снова и снова повторяя, что же такое, по ее личному мнению, «правильные поступки» (и почему нынешнее поведение Энни таким не является). Обычно советы в людских головах раздают матери, но у Энни это тетья, самый близкий ее человек. Чтобы заставить голос замолчать, Энни переключает внимание на свое отражение в зеркальце на автомобильном козырьке, проверяет, в порядке ли макияж. Потом улыбается, чтобы удостовериться, что помада не попала на зубы. Зубы чистые, а вот губы не помешало бы подкрасить — сегодня она так искусала их, что от утренней помады не осталось и следа.

Энни извлекает из сумочки косметичку и ставит прямо на письмо, чтобы не смотреть на него. Обновляет слой любимой ягодной помады на губах. (У тебя улыбка матери, твердят ей все, и, судя по фотографиям, так оно и есть.) Закончив с губами, она пудрит нос — из-за жаркого раннего лета ее лицо лоснится от пота, даже кондиционер в машине не помогает.

Итак, ей нужно просто выйти из автомобиля и войти в здание. Спустить курок, сжечь мосты, как там еще говорят? Но тут она обращает внимание на свои брови — в ярком солнечном свете стали заметны несколько отросших волосинок, от которых надо немедленно избавиться. Энни извлекает из косметички пинцет и выщипывает раздражающие волоски. Всегда лучше выглядеть на все сто, когда встречаешься с кем-то новым, думает она, а адвокат, безусловно, такой человек. Самонадеянный чужак, без приглашения ворвавшийся в ее жизнь со своим письмом и решивший взвалить на ее плечи больше, чем она может вынести.

Уважаемая мисс Энни Тафт,

в этом письме я хочу сообщить Вам новую информацию о своем клиенте, мистере Корделле Льюисе, который был приговорен к пожизненному заключению в тюрьме без права досрочного освобождения после того, как его несправедливо осудили за убийство Вашей матери, Лидии Тафт. Мне известно, что Вы выступали ключевым свидетелем со стороны обвинения по его делу, и я прекрасно понимаю и разделяю Ваше желание оставить все в прошлом. Однако мистер Льюис, увы, не в силах поступить так же: для него

эта история — настоящее и единственный источник надежды на будущее.

Буду признателен, если Вы сможете приехать в мой офис и в рамках короткой приватной встречи позволите мне рассказать о новом повороте в деле Льюиса, а также попросить Вас о небольшом одолжении. Искренне надеюсь, что нам удастся встретиться как можно скорее, так как время сейчас имеет первостепенное значение. Пожалуйста, имейте в виду, что информация, которую я намерен Вам поведать, носит весьма деликатный характер, поэтому очень важно сохранить нашу встречу в тайне. Повторюсь: я полон надежд, что Вы свяжетесь со мной в самое ближайшее время и позволите мне поделиться с Вами действительно потрясающими новостями.

*Спасибо, что уделили мне время,
Тайсон Барнс.*

Короткого письма Барнса оказывается достаточно, чтобы наполнить Энни чувством вины и заставить приехать на эту встречу — обсудить «небольшое одолжение» убийце своей матери. *Но что, если это действительно не он?* Дурацкий вопрос не дает ей покоя и требует ответа прежде, чем начнется новая жизнь — жизнь далеко отсюда. Да, таковы ее планы: выйти замуж за Скотта, уехать куда-нибудь подальше и начать все с чистого листа. Когда они это придумали, казалось, что это хорошая идея. Но чем ближе к отъезду, тем больше она сомневается в своем решении.

Энни осматривает лицо в последний раз, поднимает козырек и убирает косметичку в сумочку. У нее урчит

в животе, и она думает о предстоящем ланче — еще одной встрече из тех, на которые идешь не по своей воле, а потому, что чувствуешь себя обязанным. Если она не поторопится, то опоздает на встречу, а если адвокат окажется на месте и будет готов к разговору, рискует вовсе пропустить ее. Энни колеблется, раздумывая, что хуже: беседа с адвокатом, пытающимся добиться свободы для Корделла Льюиса, убийцы ее матери, или встреча с журналисткой городской газеты по поводу грядущей свадьбы.

Энни не питает иллюзий насчет журналистки, отлично понимая, что разговор так или иначе сведется к грядущему суду над Корделлом Льюисом. Очевидно, что в этом и состоит ее конечная цель, а интервью — просто уловка. Они с Лорел, так зовут репортершу, вместе учились в школе. Лорел всегда была агрессивной, и Энни сомневается, что она сильно изменилась за девять лет, прошедших с выпускного. Кроме того, годы, проведенные вдали от Ладлоу, и работа на воротил газетного бизнеса наверняка ожесточили Лорел, а освобождение Льюиса обещает стать куда большей сенсацией, чем ее свадьба. Нет, Энни не позволит репортерше обвести себя вокруг пальца. Она будет настороже.

Выбрав из двух зол меньшее — сделать то, зачем сюда приехала, Энни заглушает двигатель. Она войдет внутрь и поговорит с... ее взгляд еще раз скользит по строчкам, проверяя имя отправителя. Она рассматривает подпись, пытаясь представить, что будет дальше. Она скажет на ресепшене, что приехала повидать Тайсона Барнса, и секретарша ответит что-то вроде: